

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

Люда Власовская

RUGRAM

МОСКВА

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-22

Чарская Л.

Ч-22 Люда Власовская / Л. Чарская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 284 с. — (Жизни и судьбы).

Героиня повести, выпускница петербургского института, попадает гувернанткой в богатый грузинский дом на далеком Кавказе. Терпение и доброта помогают девушке справиться с непростыми характерами детей князя, выходить пострадавшего на пожаре мальчика и спасти жизнь смертельно больного горца. Читатель встречается с Людой Власовской и в других известных произведениях Лидии Чарской — «Записки институтки», «Княжна Джаваха» и «Вторая Нина».

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77652-8

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Часть первая
В ИЖСЯТИТЧУТСКИХ
СТЕНАХ

Глава I

Выпускные. Сон Маруси Запольской

Дребезжащий, пронзительный звон колокольчика разбудил старшеклассниц.

Я подняла голову с подушки и заспанными глазами огляделась кругом.

Большая спальня, с громадными окнами, завешанными зелеными драпировками, четыре ряда кроватей с чехлами на спинках, высокое трюмо в углу — все это живо напоминало мне о том, что я выпускная. Такая роскошь, как чехлы на спинках кроватей, драпировки и трюмо, допускалась только в дортуаре старшеклассниц. Одни выпускные воспитанницы да пепиньерки имели право пользоваться некоторым комфортом в нашем учебном заведении.

Маруся Запольская, спавшая рядом со мною, высунула свою огненно-красную маковку из-под одеяла и пропищала тоненьким голоском:

— С переходом в выпускные честь имею поздравить, mesdam'очки!

Я быстро вскочила с постели...

Только теперь, при воспоминании о том, что я выпускная и что мне остается провести всего лишь один год в институте,

я поняла, что шесть лет институтской жизни промчались быстро, как сон.

За эти шесть лет у нас почти ничего не изменилось. Мои подруги по классу были почти все те же, что и в год моего поступления в институт. Начальница, Маман, была та же представительная, гордая и красивая старая княгиня. По-прежнему мы дружно ненавидели нашу французскую классную даму m-lle Арно, которую мы, еще будучи «сень-мушками», прозвали Пугачом за ее бессердечие и жестокость, и боготворили немецкую — Fraulein Генинг. По-прежнему обожали учителей и если не бегали за старшими воспитанницами, то потому только, что этими старшими оказывались мы сами. Но зато мы снисходительно поощряли наших ревностных обожательниц — «младших». Да и сама я мало изменилась за этот срок. Только мои иссиня-черные кудри, давшие мне со стороны подруг прозвище Галочки, значительно отросли за эти шесть лет и лежали теперь двумя свитыми глянцевиными толстыми косами на затылке. Да смуглое лицо потеряло свою детскую округлость и приобрело новое выражение сдержанной сосредоточенности, почти грусти.

Моей закадычной подругой была Маруся Запольская, спавшая со мною рядом, сидевшая со мною на одной скамейке в классе и в столовой, делившая со мною все занятия и досуги — словом, не разлучавшаяся со мной за все шесть лет институтской жизни...

— С переходом в выпускные, mesdam'очки, — говорила теперь эта самая Маруся, шая и дурачась.

Но «mesdam'очки» и не обратили внимания на писк Краснушки и, проворно накидывая на себя холщовые юбочки, спешили в умывальную, находившуюся рядом с дортуаром.

— Вставай, Краснушка, — советовала я моему другу, — а то опоздаешь на молитву.

— Ах, Люда! Какой сон я видела, если б ты знала! — проговорила она, сладко потягиваясь и устремляя на меня свои

большие темно-карие глаза, с загоревшимися золотистыми искорками в расширенных зрачках.

Краснушку нельзя было назвать красавицей вроде Вали Лер и Анны Вольской — самых хорошеньких девочек нашего класса, — но золотые искорки в глазах Краснушки, ее соболиные брови, резко выделявшиеся на мраморной белизне лица, алый, всегда полураскрытый ротик и огненно-красная кудрявая головка были до того оригинальны и необыкновенны, что надолго приковывали к себе взгляды.

— Что же ты видела, Маруся? — спросила я ее, невольно любуясь ее белым личиком с пышущим на нем румянцем от сна. — Что ты видела?

— Ах, это было так хорошо! — вскричала она со свойственной ей горячностью. — Ты представь только: широкая арена... знаешь, вроде арены римского Колизея... или нет, даже это и был Колизей. Да-да, Колизей, наверное! Кругом народ, много, много народу!.. И сам Нерон среди них!.. Важный, страшный, жестокий... А я на арене, и не только я — многие наши, и ты, и Миля Корбина, и Додо Муравьева, и Валентина — словом, полкласса... Мы осуждены на растерзание львам за то, что мы христианки...

— Душка, не слушай ее, — послышался сзади меня голос Мани Ивановой, всегда насмешливо относившейся к фантастическим бредням моей восторженной подруги, — не слушай ее, Галочка: она никакого Колизея не видела, а просто рассказывает тебе главу из повести, которую вчера прочла...

— Ах, молчи, пожалуйста, что ты понимаешь! — осадила ее Маруся, не удостоив даже взглядом непрошеную обличительницу. — Слушай, Галочка, — продолжала она с жаром, — нас окружали воины с длинными копьями и мечами в руках, а у ног наших лежали цветы, брошенные из лож первыми патрицианками города... Нерон сделал знак рукою... и невидимая музыка заиграла какую-то печальную мелодию...

— Ах, как хорошо! — вскричала незаметно подошедшая к нам миловидная блондиночка с мечтательной головкой,

Миля Корбина, любительница всего фантастического и необыкновенного.

— Дверь, ведущая в клетку зверей, — невозмутимо продолжала Краснушка, — должна была тотчас же открыться, как вдруг Нерон, остановившись на мне взором, произнес: «Хочешь спасти себя и своих друзей?» — «Хочу!» — отвечала я смело. «Тогда ты должна сложить мне песню, тотчас же, не сходя с арены, но такую прекрасную, за которую я бы мог даровать тебе жизнь».

— И что же? Ты спела? — с загоревшимися глазами спросила Миля, подвинувшись почти вплотную к постели рассказчицы.

— Постой, не забегай вперед! — отрезала Милю Маруся. — Слушайте дальше!.. Мне подали лютню, всю увитую цветами... Я окинула цирк взглядом и, остановив мои глаза на императоре, запела. Я не помню, о чем я пела во сне, но это было что-то такое хорошее, такое чудесное и поэтичное, что сам Нерон смягчился душою и бросил мне лавровый венок на арену и объявил свободу и жизнь всем христианкам.

— Ах, как хорошо! — замирая от восторга, прошептала Миля. — Дай мне тебя поцеловать, душка, за то, что ты всегда видишь такие поэтичные сны!

— Ты плохо знаешь историю, Запольская. Нерон никогда не миловал христиан, отданных на растерзание! — послышалось насмешливое замечание хорошенькой Лер.

Но Маруся, как говорится, и бровью не повела.

— Таня Петровская, Таня Петровская, — остановила она проходившую мимо нее черноволосую и рябоватую девушку с нездоровым цветом лица, слывшую среди выпускных за отгадчицу и в то же время самую религиозную из всех, — как ты думаешь, что мог бы означать мой сон?

— Это нехороший сон, Краснушка, — самым серьезным тоном произнесла Петровская, заплетая длинную, доходившую ей почти до пят и тоненькую, как у китайца, косу, — не-

хороший сон, душка, — присаживаясь в ногах Марусиной постели, повторила она. — Хорошо читать стихи во сне — значит плохо отвечать на уроке; лавровый же венок — значит нуль. Я уже это заметила, как кто лавры во сне увидит — сейчас лавровый венок без листьев, откуда ни возьмись, в журнале.

— Ну вот еще! — недовольно протянула Маруся, не удовлетворенная таким простым толкованием своего поэтического сна. — Мы — выпускные, нам нулей не посмеют ставить.

— Выпускные! — радостно подхватила Бельская, маленькая, кругленькая толстушка с вихрастой белобрысой головой, отъявленная шалунья, за шалости получившая прозвание Разбойника. — Mesdam'очки, мы выпускные. Подумайте только: 296 дней до выпуска осталось! Только 296 дней! Я от радости, кажется, сейчас на шею Арношке кинусь! Ей-Богу!

— Маруся! Краснушка! Сумасшедшая! Ты еще не вставала! Пять минут до звонка! Ведь сегодня французское дежурство, ты забыла, несчастная!

Это говорила необычайно нежным грудным голосом дежурная Чикунина, высокая, полная девушка, прозванная Соловухой за удивительно звучный и приятный голос.

Варюша Чикунина была недавно выбрана регентом церковного хора и ни днем ни ночью не расставалась с металлическим камертоном, спрятанным у нее за край камлотового форменного лифа. Она была очень счастлива и гордилась возложенной на нее обязанностью.

— И то правда, — паясничая, вскричала Маруся, — девушки, миленькие, погибла моя головушка! Душеньки-подруженьки, помогите мне! — И в то же время она с необычайной ловкостью набрасывала на себя грубую холщовую юбку, заплетала и укладывала на голове свои огненные косы под уродливый ночной чепчик.

Через две минуты Запольская стояла уже на табурете посередине умывальной комнаты и, размахивая зубною щеткою, декламировала:

Спокойно стояла она пред судом,
Свободного Рима гражданка...

— Арношка идет! Пугач идет! Краснушка, спасайся! — неистово завопила, пулей влетая в умывальную, смуглая, черноволосая, как цыганка, Кира Дергунова, с огромными восточными глазами, так и мечущими молнии.

— Ай! Горе мне! — таким же визгом ответила Маруся и со всех ног кинулась в дортуар, разроняв по дороге все принадлежности для умывания.

